

Ю. Перовшек

Словенская политическая пресса о войне с русскими и другими славянскими противниками в 1914–1916 гг.

J. Peroušek

Slovenian political press about the war with the Russian and other Slavic adversaries in 1914–1916

Для большинства словенцев и словенских солдат из-за их неоспоримого австрийского патриотизма противники монархии — славяне были их врагами. Такую позицию в 1914–1916 гг. поддерживала также ведущая словенская политическая пресса: католический «Slovenec» и либеральный «Slovenski narod», которые не допускали мысли о единстве словенцев и других славян. В вопросе о славянстве для них решающее значение имели линии фронта, образовавшиеся между австро-венграми и немцами с одной стороны и славянскими странами, сражающимися против них — с другой. Несмотря на отдельные статьи, в которых о славянских противниках не было сказано ничего плохого, на страницах обоих изданий размышления о славянской идентичности были запрещены. Существовало только австрийское настоящее и соответствующее ему отношение к славянству. «Slovenec» и «Slovenski narod» придерживались позиции, что словенцы, как и другие габсбургские славяне — австрийцы, а те, иные, они из другого мира. Такое отношение заложила война, которая принадлежность к славянству подчинила интересам государств, участвующим в ней.

Ключевые слова: Первая мировая война, словенцы, австрийский патриотизм, славянские противники Габсбургской монархии.

For a vast majority of Slovenians and Slovenian soldiers the Slavic opponents of the Monarchy were enemies. In the period from 1914 to 1916 such sentiments were encouraged by two Slovenian political daily newspapers catholic *Slovenec* and liberal *Slovenski narod*, whose attitude allowed no ideas about interaction between Slovenians and the other Slavic nations. Regarding the issue of

Slavic identity on the first place were front lines which ran between Austria-Hungary and Germany on the one side and Slavic countries fighting them on the other. Despite some articles in which no harsh words were shared concerning Slavic opponents, the path to considering the mutual Slavic identity was decisively closed at both newspapers. There were only the Austrian sense of self-worth and its narrow attitude towards the Slavic identity and culture. Both *Slovenec* and *Slovenski narod* significantly consolidated the position that Slovenians — just like other Slavs in the Habsburg Monarchy — were Austrians, and those who did not feel the same came from other planet. This attitude was laid by the war, subordinated Slavic interests to the interests of the states participating in it.

Keywords: World War I, Slovenians, Austrian patriotism, Slavic opponents of the Habsburg Monarchy

Мировая война, которая разразилась в 1914 г., коренным образом изменила существовавшее до того момента отношение к родине и миру. Единственный доступный в то время информационный ресурс — пресса — наполнился сообщениями о событиях на фронтах и их последствиях, оставив мало места для освещения событий в других сферах жизни. Война наложила на прессу новый, неизвестный до того, военный отпечаток¹.

Первые два года войны в словенской печати преобладали сообщения о столкновениях Австро-Венгрии и Германской империи с их славянскими противниками — Российской империей, Королевством Сербией и Королевством Черногория. Словенцы в то время входили в состав Дунайской монархии. Оказавшись на Восточном фронте, они вынуждены были сражаться с представителями других славянских народов не на жизнь, а на смерть. Пресса подобное положение освещала с различных позиций, акцентируя особое внимание на военных столкновениях словенских солдат с славянскими противниками. Об этом часто писала ведущая политическая католическая газета «*Slovenec*» («Словенец») и либеральная газета

---

¹ Štepec M. *Slovenec 1914–1918 / Slovenec: političen list za slovenski narod (1873–1945): kratek pregled zgodovine ob 140-letnici njegovega izhajanja*. Ljubljana, 2013. S. 19.

«Slovenski narod» («Словенски народ», «Словенский народ»). В марксистской прессе таких сообщений не было, так как во время войны она практически не издавалась. Вопрос о братоубийственной войне между славянами для газет «Slovenec» и «Slovenski narod» не содержал в себе противоречия. Подобное отношение было характерно и для большинства словенских солдат. Редко кто из них выражал недовольство борьбой против соплеменников и воспринимал войну как столкновение немцев и славян². В ведущих газетах словенцы были представлены австрийцами, которые борются против славянского противника Габсбургской монархии. Чуть меньше, чем через полгода после начала войны, «Slovenec» опубликовал статью, в которой говорилось о том, чему «учатся» австрийские славяне: «Когда армия двинулась на славянские страны (Россию и Сербию), мы ни секунды не сомневались в том, где наше место. С исконной преданностью Габсбургам австрийские славяне отправились на поля сражений для того, чтобы там проливать свою кровь и умирать за свою единую родину и свою правящую династию. Весь мир знает, что противники втайне рассчитывали на слабость австрийских славян, что они в этот критический момент отрекутся от империи. Но они просчитались, поскольку не знали нашей бескорыстной верности Австрии и императору. Славяне, и в их числе словенцы, показали свой искренний австрийский патриотизм»³.

Австрийский патриотизм наряду с католическим учением был тогда бесспорной основой жизни большинства словенцев. Истинный характер которого заключался в том, что его ощу-

² *Sluga M.* Slovenski vojaki v prvi svetovni vojni. D. 2 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 2009. Št. 1. S. 37, 39, 41, 42–43, 49, 50, 54, 60; *Sluga M.* Op. cit. // Ibid. 2009. Št. 2–3. S. 83, 92; *Sluga M.* Op. cit. D. 3. // Ibid. 2009. Št. 4. S. 82, 97, 107–108; *Antoličič G.* Bog ohrani, Bog obvari Nam Cesarja, Avstrijo!: izbruh prve svetovne vojne v habsburški monarhiji // Studia Historica Slovenica. 2015. Maribor, 2015. Št. 2. S. 275.

³ *Slovenec.* 1914. 12. 12. Об австрийском патриотизме словенских солдат см. Ibid. 1915. 27. 02.; *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 38–39, 51, 52, 54–57, 59; Ibid. D. 2. S. 87, 96, 93, 101, 102, 107; Ibid. D. 3. S. 106–108; *Jenuš G.* Slovenci in velika vojna (1914–1918): slovenska razdvojenost med zvestobo cesarju in željo po narodni avtonomiji // Studia Historica Slovenica. 2015. Št. 2. S. 307, 316. *Križaj M.* Pošta iz ujetništva // Vojnozgodovinski zbornik. 2001. Št. 6. S. 45, 48, 49.

щали вопреки военному абсолютизму, укрепившемуся немецкому национальному давлению и военной цензуре. Словенский народ «с воодушевлением приносил жизнь и кровь на алтарь родины, жизни тысяч своих лучших сынов», как в конце 1914 г. сообщал «Slovenski narod»⁴. Эти слова были связаны с тяжелыми потерями так называемых словенских полков на востоке, на русском фронте, о чем общественность также была оповещена⁵. Несмотря на это, газета выражала уверенность, что «даже сейчас в центре огромного вихря, который сотрясает земной шар, словенцы останутся непоколебимыми в своей преданности и верности родине, которая была для них путеводной звездой и в радости, и в горе»⁶. Полтора года спустя «Slovenec» к этому добавил: «Перед судом истории наш маленький народ предстанет великим. В этой войне мы полностью забыли о себе и думали о государстве. Наш народ был со своими героями всегда там, где было труднее всего»⁷. «Словенцы и хорваты, которые объединены под жезлом Габсбургов, хотят навсегда остаться самым верным императору народом»⁸.

В подобном возвышенном стиле на словенских землях прославляли и австрийские победы над славянским противником. Когда 2 декабря, в день шестьдесят шестой годовщины правления австро-венгерского императора Франца Иосифа I, австрийцы захватили Белград, люблянский жупан либерал Иван Тавчар призвал жителей Любляны вывесить флаги для прославления этого военного успеха. Призыву жупана «все с радостью последовали. Вечером два военных оркестра маршировали по городу в сопровождении людей, оживленно их приветствующих. Люблянская крепость была украшена иллюми-

⁴ Slovenski narod. 1914.24.12.

⁵ *Svoljšak P.* Prva svetovna vojna // Enciklopedija Slovenije Ljubljana, 1995. D. 9. S. 401–403; *Svoljšak P.* Poizkus ocene vojaških in civilnih izgub (žrtev) med 1. svetovno vojno // Množične smrti na Slovenskem. Ljubljana, 1999. S. 230; *Guštin D.* «Slovenski polki» na vzhodni fronti // Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije: 1848–1992. Ljubljana, 2005. D. 1. S. 128–129, 131. Об опыте сражения словенских солдат с русскими см. *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 46, 52.

⁶ Slovenski narod. 1914.31.12.

⁷ Slovenec. 1916.26.07.

⁸ Ibid. 1916.02.03.

нацией, а в девять часов был сделан 21 залп из пушек, так что даже самые отдаленные уголки узнали об успехах, которых достигла австрийская армия в результате долгих героических боев против Сербии»⁹. На следующий день «Slovenski narod» в честь победы «вспомнил» старую народную песню «Стой, стой, там Белиград, за городом река крови, чтобы крутить три камня мельницы...», эта песня появилась после австрийской оккупации Белграда в 1789 г.¹⁰ Позднее в Любляне также будут прославлять взятие Перемышля 3 июня 1915 г., Львова 22 июня 1915 г. и Варшавы 5 августа 1915 г.¹¹ «Slovenski narod» с восторгом приветствовал взятие Брест-Литовска 26 августа 1915 г. и Цетине 14 января 1916 г.¹² Патриотический восторг был выражен и при взятии Львова¹³. «Народ» славил «любимых орлов австрийских легионов, почетные знаки габсбургских правителей, победоносные знамена имперских отрядов» и возвышал военное мастерство австрийских полководцев, которое смогло превзойти неуклюжую русскую военную силу»¹⁴. Кроме того, люблянский общинный совет на заседании 23 июня 1915 г. в едином порыве прокричал «Да здравствует армия!», произнесено это было стоя. По предложению заместителя жупана д-р Карла Триллера, либерала по политическим взглядам, после падения Львова по телеграфу было отправлено поздравление главнокомандующему армии эрцгерцогу Фридриху¹⁵. Своеобразный символ патриотической верности Австрии был создан словенскими солдатами на Балканах. Его автор — скульптор Йосип Урбан, служивший в 27-м люблянском пехотном полку. В память о сражениях на южном фронте на границах Сербии и Черногории был сооружен огромный памятник в виде австрийского двуглавого орла. Орел был водружен на двухметровый пьедестал, доставленный из боснийских

⁹ Slovenski narod. 1914.03.12.

¹⁰ Ibid. 1914.03.12.

¹¹ Ibid. 1915.04.06.; 1915.23.06; 1915.24.06; 1915.06.08.

¹² Ibid. 1915.27.08; 1916.15.01.

¹³ Ibid. 1915.23.06.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. 1915.24.06.

гор, и с этой высоты он взирал в сторону противника, а под ним «в благоговении к монарху» распростерлись холмы и долины боснийских земель. Одна его голова была повернута к Черногории, другая к Сербии. Наполовину раскрытые крылья, которые составляли около семи метров в длину, были готовы к мгновенному, стремительному полету. Это доказательство патриотической мысли, согласно газете «Slovenec», оказалось на прекрасном и заслуженном месте и подтверждало несостоятельность древнеримской пословицы «Inter arma silent Musae» («Во время войны музы молчат»). «Недвижим сидит орел на каменном пьедестале», — писал «Slovenec», — «под ним нарушают тишину стрелы, которые летят с нашей стороны и со стороны противника»¹⁶.

Из всего написанного выше мы можем сделать вывод, что принадлежность к славянам не «отягощала» сознание словенских солдат во время сражений против русских, сербов и черногорцев. Это подтверждали многочисленные сообщения и рассказы о сражениях на славянских землях. Конечно же, нужно принимать во внимание, что при их обнародовании учитывались такие факторы, как австрийская военно-политическая государственная позиция и военно-пропагандистские требования, однако настроение, с которым они были написаны, являлось весьма красноречивым. «Словенские воины — австрийцы, как мы это подчеркивали,¹⁷ против русских, несомненно, воевали. К ним относились как к противникам, это же касалось и сербов, и черногорцев»¹⁸. Об этом говорилось в рассказе под названием «В атаку», написанным раненым десятником «железного» 17-го пехотного полка (который назывался еще полком крайних Янезов) Алойзием Преком из Добровы после его возвращения с русского фронта в Люблянну в сентябре 1914 г.: «Жаль, что не подвернулся случай. Мы бы снова атаковали, едва могу дождаться того момента, когда снова пойду на них

¹⁶ Spomenik slovenske zvestobe na južnem bojišču // Slovenec. 1915.29.07. См. Domači črnovojniški pešpolk // Slovenski narod. 1915.29.07. Št. 27.

¹⁷ Slovenec. 1914.28.09. Kako so slovenski vojaki podirali lipo, na kateri je bil skrit sovražnik. См. также: *Sluga M.* Op. cit. 1. S. 52, 56.

¹⁸ *Sluga M.* Op. cit. 1. S. 36, 37, 44, 53, 54.

в штыковую»¹⁹. Карел Якомич из Мале васи при Ежици писал сестре: «...На коричневых (русских) мы шли “как волки на добычу”, по нам было видно, на что способны крайнские парни»²⁰. Иную составляющую картины столкновений с русскими описал солдат из Бовшко, рядовой 27-го домобранского стрелкового полка в Галиции: «Было дело [...] напали мы на русских. Они слышали нас, как мы на словенском говорили и кричали. Тогда один из русских сказал: “Братья, не стреляйте. Мы тоже славяне!”, но наш долг перед императором, осознание того, что мы защищаем нашу дорогую родину и своих близких — все это повелевало, чтобы мы остались глухими. В армии хитрость сильнее храбрости»²¹. Если верить армейскому священнику Леопольду Туршичу, который в конце декабря 1914 г. служил в 27-м полку, русские якобы боялись словенских солдат. Они узнавали домобранцев по серебряным нашивкам на воротнике, а из-за исключительного умения стрелять и настойчивости прозвали их: «псы с цветами», «этим наши парни очень гордятся»²². «Slovenec» еще раньше сражение словенских солдат против русских охарактеризовал следующими словами: «наши военные псы в деле»²³.

Об индифферентном отношении к славянским противникам свидетельствовали сообщения в газетах «Slovenec» и «Slovenski narod», они писали о боевитости словенских солдат, подкрепляя это похвальными сообщениями из австрийской и немецкой печати об их бесстрашии на славянских фронтах²⁴. В качестве занятного факта мы узнаем, что сын люблянского жупана Тавчара, прапорщик резерва 25-го артиллерийского полка, в 1915 г. был награжден серебряной медалью за храбрость I степени. В официальной Золотой книге армии о его заслугах было написано

¹⁹ Slovenec. 1914.07.09.; Ibid. 1914.22.10; Listek. 1914.14.11; 1915.13.03; 1914.14.11.

²⁰ Ibid. 1915.13.03; 1914.06.10. Dnevne vesti. 1915.13.02; 1915.27.02; 1915.13.03.

²¹ Ibid. 1914.12.12.

²² Ibid. 1915.26.01.

²³ Ibid. 1914.15.12.

²⁴ Ibid. 1914.10.09; 14.09; 28.09; 29.09; 01.10; 10.10; 21.10; 22.10; 15.12; 1915.05.03; 07.07; Slovenski narod. 1914.14.09, 28.09, 06.10, 09.11; 1915.14.04; 1916.08.07; Ibid. 1914.12.12. О храбрости словенских солдат см. *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 41, 52–54; Ibid. D. 2. S. 85–86.

следующее: «Поручик резерва 25-го польского артиллерийского полка Франц Борис Тавчар проявил храбрость и мужество. Как командир взвода и как настоящий офицер в боях вел обстрел с редким хладнокровием, в то время как легкая и тяжелая артиллерия противника вела массированный обстрел его батареи. Его влияние на солдат было настолько велико, что солдаты под сплошным вражеским огнем продолжали свое дело. Когда мы оставили позицию, прапорщик Тавчар остался там по приказу со своим взводом и на следующий день, с великим мастерством, под огнем противника доставил взвод назад к батарее»²⁵.

Такие сообщения, способствовавшие подъему патриотического духа на родине, превосходно сочетались с первой и наиболее известной поэтической публикацией Йована Косески (Янез Весел), выразившей словенскую лояльную национальную идеологию, которая была обнародована в честь визита императора Фердинанда I 1 сентября 1844 г. в Любляну: «Дуб пошатнется и гора, верность словенца — никогда»²⁶. Раненые словенские солдаты, которые проходили лечение в больнице Линц Урфар в верхней Австрии, писали эти слова в ноябре 1914 г. в конце своих поздравлений, посланных главе провинции Крайна Ивану Шуштершичу и его супруге²⁷. Проявление патриотических чувств словенских солдат в прессе легко найти²⁸. Одновременно «Slovenec» констатировал, что словенский народ и словенский солдат в той войне прекрасно продемонстрировали свое понимание патриотизма в действии²⁹, «Slovenski narod» ссылался на текст, в котором Федор Михайлович Достоевский посредством череды парадоксов защищал войну. В газете приводилась следующая цитата Достоевского: «Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоин-

²⁵ Slovenski narod. 1915.06.08.

²⁶ Kmetijske in rokodelske novize. 1844.04.09; *Inkret A. Jovan Vesel Koseski: vprašanje literarne zgodovine*. Maribor, 1971. S. 36, 63.

²⁷ Slovenec. 1914.14.11

²⁸ Slovenski narod. 1914.11.09; Slovenec. 1914.14.11.

²⁹ Slovenec. 1914.10.10.

ства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество»³⁰. Эти мысли сначала разделял и писатель Станко Майцен. На фронте в Галиции он отморозил ноги, и его уже в ноябре 1914 г. с наградой за храбрость отправили домой. Далее, во время реабилитации, он, в основном, выполнял легкие хозяйственные работы. В то время Майцен написал в католическом журнале о литературе и искусстве «Dom in svet» («Дом ин свет», «Родина и мир»): «В одном из октябрьских номеров “Naroda” был опубликован текст, в котором Достоевский хвалил войну. Все, что там написано, правда. Не могу передать, как меня укрепляет армия. Она дает мне ощущение, что с радостью обновляются ценности, что гаснут все те лучи, которыми освещались дела великих лгунов и мошенников, вещи приобретают свое истинное значение, ими самими predetermined, и что мир в этих лучах обретает совсем иной вид, чем прежде. Как это все утешает»³¹. От своих резких рассуждений Майцен позже отказался. В том же журнале автор Неверник в новелле, напечатанной чуть ниже, пришел к выводу, что солдат не может жить и не может умереть ради родины. «В те времена это не было патриотическим поступком, писатель выражал свой скепсис по отношению к войне. Вопрос в том, как новелла обошла цензуру, которая следила за проявлением любого малодушия»³².

Одна из рубрик газеты «Slovenec» «Из писем наших героев» демонстрировала пренебрежение к славянским военным противникам³³. Русские якобы не обладали настоящим мужеством, были плохими стрелками и сражались без душевного порыва. Пренебрежительное отношение было и к сербам, и к черногорцам³⁴. Таким образом, пропаганда, содержащая

³⁰ Slovenski narod. 1914.10.10 (Цитата исправлена по собранию сочинений Достоевского. Прим. пер. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Апрель. Глава вторая. II. Парадоксалист // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 145).

³¹ Dom in svet. Ljubljana, 1915. Št. 1. S. 36.

³² Vogrič I. Slovenski književniki in I. svetovna vojna. Ljubljana, 2001. S. 34, 35.

³³ О пренебрежении к славянским противникам и о переоценке своих военных способностей, о которых говорили словенские солдаты, писал М. Слуга. Sluga M. Op. cit. D. 1. S. 44, 54.

³⁴ Slovenec. 1914.07.09; 17.09; 16.10; 14.11; 21.11; 12.12; 15.12; 31.12; 1915.26.01.

ся в этой рубрике, возвращала предрассудки о противнике и его неполноценности и стала важным составным элементом войны, а ее влияние сохранялось еще долго в послевоенные годы³⁵. Но упомянутое самовосхваление «словенских героев» не совпадало с реальной картиной того, что происходило на русском фронте. Летом, осенью и ранней зимой 1914 г., когда были напечатаны статьи о боеспособности русских военных частей, как мы уже говорили, словенские полки и австрийская армия в сражениях с ними понесли большие потери³⁶.

Согласно газете «Slovenec» русские являлись защитниками сараевских убийц³⁷, своей целью они поставили уничтожение Австро-Венгрии³⁸, и поэтому они были готовы воспользоваться нечестными и преступными методами ведения боя³⁹ и «кровавым» принуждением своих солдат к сражениям. По словам словенского артиллериста в Перемышле, для того чтобы заставить сражаться огромное сборище людей (то есть русскую армию)⁴⁰, ее командиры пулеметами гнали солдат в бой⁴¹. «Отчитывались ли они за это перед кем-нибудь?», — спрашивал представитель 4-й сотни 97-го пехотного полка офицер расчета Франц Лапанье. «Мне кажется, — писал он, — что после войны Россия переживет еще более страшную войну: великую, кровавую революцию»⁴². Но у русских солдат были и другие проблемы. Они были голодными и плохо обуты⁴³.

Несмотря на подобного рода сообщения, «Slovenec» оставил место для рассказов, где о русских говорилось хорошо. Так Йосип Шуштершич из Шмартно при Литии, рассказывая о гибели русских солдат в сражении 17-го пехотного полка 4 февраля 1915 г. в Карпатах, так описал конец боя: «Слышу с левой сто-

³⁵ *Štepec M.* Op. cit. S. 18.

³⁶ *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 44, 46, 48, 49.

³⁷ Такие мысли были характерны для большинства словенских солдат. *Ibid.* S. 37.

³⁸ *Slovenec.* 1914.31.08.

³⁹ *Ibid.* 1914.10.09.

⁴⁰ *Ibid.* 1916.28.09.

⁴¹ *Ibid.* 1914.14.11; 1915.26.01; 15.04.

⁴² *Ibid.* 1915.15.04.

⁴³ *Ibid.* 1915.13.02.; 03.05.; *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 57.

роны клич к наступлению: “Ура!”. Как один человек стреляем все из штыковых винтовок по противнику в страшном гневе, готовы всех заколоть. Русские усиливают огонь, после чего их еще много падает среди наших. Когда мы оказываемся совсем близко к ним, я думаю: сейчас будет страшная резня. Но это не так. Известно, что русские ничего так не боятся, как наших штыков. И сейчас тоже, как увидят штыки перед собой, бросают свои винтовки и поднимают руки вверх и кричат: “Братья! Братья!” Когда мы смотрим на них, как на своих пленных, у нас проходит вся злость, и мы протягиваем им руки и улыбаемся друг другу, мы делились с ними хлебом и другими вещами, а они с нами сигаретами и табаком. Если бы нас тогда кто-нибудь увидел, подумал бы, что мы старые друзья, которые после долгой разлуки вновь встретились. Каждый думал: вы выполнили свой долг, а мы свой; сейчас вы наши пленные, вы больше не наши противники»⁴⁴.

Шуштершич в своем письме признавал у русских наличие упрямства в бою⁴⁵. Такие, пусть и незначительные признания, делали и другие словенские солдаты⁴⁶. В газетах «Slovenec» и «Slovenski narod» можно было прочесть хвалебные слова о сражениях сербских и черногорских солдат⁴⁷. «Slovenski narod» указал на похвальное мнение о военных способностях сербов, которое сложилось в австрийских военных кругах и немец-

⁴⁴ Slovenec. 27.02.1915. О подобном опыте своему сыну Андрею Злобцу во время войны рассказал его отец, который в возрасте 45 лет воевал на русском фронте. «На поле боя я неожиданно увидел молодого русского, который находился так близко, что мы смотрели друг другу в глаза. Мирно и приветливо смотрел он на меня. Я посмотрел в черное дуло его винтовки и крепко сжал свой карабин. Мне было жаль приятного молодого человека, который оказался перед моим ружьём так же, как и я перед его. Молодой русский положил ружье перед собой в борзду и громко прошептал: «Нет, не стреляй! Я тоже человек!». Я улыбнулся ему и покачал головой. Нет, не буду стрелять! Мы чувствовали себя одинаково. Мы жить хотели, не умереть — ни за царя, ни за императора! Искренне надеюсь, что мой русский друг остался в живых. В следующий миг раздался приказ: “Огонь”. Стрелял я мимо» (*Zlobec A. V viharju prve svetovne vojne. Ljubljana, 2010. S. 84*).

⁴⁵ Slovenec. 1915.27.02.

⁴⁶ Slovenski narod. 1914.11.09.; Slovenec. 1915.03.05.

⁴⁷ Slovenski narod. 1914.30.09.; 1914.16.10.; 1916.18.01.; Slovenec. 1914.10.12.; *Ciglar J. Matija Malešič — vojni dnevnik 1914 // Vojnozgodovinski zbornik. Št. 5. Logatec, 2000. S. 44; Sluga M. Op. cit. D. I. S. 54, 59; Ibid. D. 2. S. 86–87. Слуга*

кой печати»⁴⁸. Следует упомянуть, что газеты сообщали также о терпимом и хорошем отношении русской стороны к словенским военнопленным⁴⁹. Других сообщений почти не было⁵⁰. В подобном же положении оказались словенцы и в сербском, и в черногорском плену⁵¹. Одному из них показалось, что он слышал упрек в предательстве славянства⁵². Этот же упрек «Slovenec» адресовал России, когда московская газета «Русское слово» в конце февраля 1916 г. опубликовала статью, в которой отметила, что Италия от Антанты ожидает поддержку своих территориальных претензий относительно словенского Приморья⁵³.

Сообщения о довольно благоприятных условиях, в которых жили словенские военнопленные в России, Сербии и Черногории, конечно же, были написаны с оглядкой на цензуру пленившей стороны, что было известно газетам, но их все равно печатали. Возможно для того, чтобы успокоить родственников, волновавшихся о своих близких, оказавшихся в военном плену, и способствуя тем самым более спокойному восприятию войны мирным населением. Пленение словенских солдат, очевидно,

---

указывает на негодование словенского офицера Янко Хацина из-за жестокого отношения австро-венгерских властей к сербским военнопленным и из-за насилия, вершившегося над сербским мирным населением. Эти новости, которые дошли до него, когда он был на русском фронте, он записал в своем дневнике: «Наши грабят и убивают в Сербии хуже, чем банда сброда, то же самое происходит и в Боснии». (Ibid. D. 1. S. 50.) В 1916 г. Хацин перебежал на русскую сторону. Русский генеральный штаб направил его в Швейцарию. Оттуда с помощью своих связей в Вене он посылал в Россию важные сведения о военных операциях и других значительных событиях. В конце 1917 г. его связь с Венной прервалась, в 1918 г. русская разведывательная служба в Швейцарии была ликвидирована (Slovenski bijografski leksikon. D. 2. Ljubljana, 1926. S. 283). О жестоком обращении с черногорскими военнопленными в своем дневнике писал дневник Матея Малешич, служивший во 2-м взводе 22-го австро-венгерского пехотного полка (*Ciglar J. Matija Malešič — vojni dnevnik 1914*. S. 48).

⁴⁸ Slovenski narod. 1914.30.09; 14.11.

⁴⁹ Slovenec. 1914.28.10; 21.11; Slovenski narod. 1914.12.11; 21.12.; *Križaj M. Pošta iz ujetništva*. S. 47, 49; *Štepec M. «Kot teleta smo bili»: izkušnja in spomin na Galicijo // Studia Historica Slovenica*. Št. 2. Maribor, 2015. S. 368–369.

⁵⁰ Slovenski narod. 1914.31.12.

⁵¹ Ibid. 1914.02.10; 31.10; 12.11; Slovenec. 1914.14.11; 1915.16.01; 01.04; 07.04; 1916.12.02; 15.02; *Štepec M. «Kot teleta smo bili»*. S. 368.

⁵² Slovenec. 1916.12.02.

⁵³ Ibid. 1916.02.03.

не было для газет той темой, которая должна была разжигать враждебное чувство к славянским противникам Габсбургской монархии. Может быть, при этом принимали во внимание тот факт, что главное бремя сражений легло на славянские земли. На это весной 1915 г. указал «Slovenski narod», где было отмечено, что на этой стадии мировой войны больше всего тягот досталось славянским народам. Все сражения на восточном и южном полях сражений происходят на славянских австро-венгерских землях, в Галиции на польских и на русинских землях, в Буковине на русинских землях, в Карпатах на словацких землях, в Среме, и в Боснии и Герцеговине, и в Далмации на хорватских землях, в Приморье на словенских землях⁵⁴. Что касается Приморья, следует отметить, что там словенцы воевали друг против друга. На Сочанском фронте венецианские словенцы в форме итальянской армии воевали со словенцами в форме австро-венгерской армии⁵⁵.

Воспоминания о положении в русском плену сохранились у родственников Бенко из Криж при Чемшенике. Племянник словенского военнопленного Янеза Бенко, Душан Бенко в работе «Дом моего отца» сообщил следующее. Янез Бенк был взят в плен как пехотинец в Галиции, он содержался в районе Лохвицы на Украине. Там он работал в большой плотницкой компании и работал хорошо. На Украине в качестве военнопленного находился и его брат Йоже. Братья в плену наладили между собой переписку, очевидно, через домашних, которым каждый из них из своего края сообщал о своей жизни, о том, как у них обстоят дела, а домашние им отвечали. Обмен письмами с родными, находившимися дома, происходил с большими задержками, чего нельзя сказать о переписке братьев, начавшейся сразу, как только они узнали о местонахождении друг друга. Братья свои письма озаглавили «Еженедельный вестник» с подзаголовком «Для развлечения двух любящих братьев». На каждом письме был проставлен его порядковый номер и дата. Наглядно иллюстрирует ситуацию в плену письмо № 16 «Вестника» от 13 января 1917 г. Помимо новостей из

⁵⁴ Slovenski narod. 1915.19.06.

⁵⁵ *Svoljšak P.* Poizkus ocene vojaških in civilnih izgub. S. 232.

дома в нем были инструкции Йоже, как добраться до Лоховиц. Янез писал Йоже, до какого пункта ему ехать поездом и где нанять извозчика, который довезет его до него. Йоже сообщил Янезу, что хочет сбежать и присоединиться к нему, чтобы вместе отправиться домой. Янез и Йоже Бенко очевидно не ведали трудностей жизни в плену. Янез открыто, по обычной почте послал брату письмо, в котором, не скрываясь, без обиняков согласился с его намерением бежать, и дал ему указания, как до него добраться. Он его также оповестил, что «из Харьковской губернии он знает несколько пленных, которые оттуда убежали и благополучно добрались до Лохвиц. Много тех, кто менял места пребывания по своей воле. Можно прийти в комитет военнопленных и получить разрешение искать службу по собственному усмотрению. Работу получить легко». Братья, не боясь военной цензуры, спокойно переписывались и рассказывали друг другу о своей жизни в плену, без капли страха планировали, как и когда и по какому пути вернуться домой⁵⁶.

Согласно преданию семьи Бенко, во время плена в жизнь Янеза пришла любовь. В него влюбилась Евдокия Харапан, дочь хозяина предприятия, где он работал. Янез тоже был к ней неравнодушен, и огонь любви так сильно вспыхнул, что Евдокия подарила ему белый, собственноручно сотканный шарф из домашнего полотна, вышитый прекрасным орнаментом. Это был шарф жениха, который невеста дарит своему избраннику, его длина составляет два метра. Ее инициалы на кириллице были вышиты с одной стороны, а его инициалы на латинице — с другой. Жених во время свадьбы носит его на поясе или наискось через плечо. Янез Бенко так и не воспользовался им, поскольку после Октябрьской революции, вероятнее всего, весной 1918 г., с печалью в сердце покинул Россию, а шарф взял с собой. Брат Йоже, в соответствии с его указаниями, добрался до Лохвиц, и его приезд подвиг Янеза убежать вместе с братом на родину. В те беспокойные времена военнопленные часто использовали сложившуюся ситуацию и сбежали домой. Братья по возвращении из плена, прежде всего, отправились

⁵⁶ *Benko D. Niša mojega očeta. Križe, 2014. S. 50–51, 53, 56.*

в Юденбург, а потом на Сочанский фронт. В конце войны пешком вернулись домой. Янез не забыл о Евдокии. Позднее лукаво, вполголоса рассуждал: «Бог ведает, нет ли у моих детей какого-нибудь брата или сестры на Украине». Шарф Евдокии сохранился до сих пор, и в течение многих десятилетий семья Янеза каждый год в мае, во время цветения ландышей, этим шарфом и портретом Янеза Бенко украшала в доме икону Божьей Матери — в память о неизвестной Евдокии⁵⁷.

Образ русского (славянского) противника в политической печати создавался не только на основе частных воспоминаний, но и на базе исторических размышлений о характере русского человека. В 1915 г. в развитие этой темы внес свой вклад профессор богословия, теолог, историк и исследователь староцерковнославянского языка Франц Гривец. В католическом культурно-социологическом журнале «Čas» («Час», «Время») он опубликовал рассуждения «Русская проблема», в котором рассматривал русский характер⁵⁸. Текст, где поднимался этот вопрос, 1 мая перепечатал «Slovenec». Газета указала на акту-

⁵⁷ *Benko D.* Niša mojega očeta. Križe, 2014. S. 53–57, 158; *Smolik M.* Liturgika: pregled krščanskega bogoslužja. Celje, 1995. S. 222–223. Бенко приводит и другие примеры того, что словенские пленные жили в России в хороших условиях. Он вспоминает, что читал о том, как «как русские спрашивали австрийских и немецких пленных во время переписи, кто они: немцы или славяне? Те, кто говорил, что они немцы, отсылались за Урал, в Сибирь, пленных славянской крови распределяли по европейской части России. Многие из них хорошо устроились. Но не только в воспоминаниях Бенко встречается подобная информация, в повести «Тридцать один» (*Šest O. Enaintrideset in eden: knjiga o vojnem ujetništvu*. Ljubljana, 1937), которую после Первой мировой войны написал публицист и режиссер Осип Шест, говорится о группе офицеров австро-венгерской армии — словенцах, хорватах, чехах и поляках, которые уже в первый год войны оказались в русском плену и находились там вплоть до конца войны. Ничего плохого с ними не случилось. Русское командование поселило их в Рязани, жили они в большом доме с садом, в котором выращивались различные культуры. Вплоть до революции они получали пособия, гуляли по городу и его пригороду, встречались с рязанскими красавицами, делали, что хотели. Все это, несомненно, происходило под надзором охранника, с которым они были в дружеских отношениях. Большое количество свободного времени в многолетнем плену проводили как могли, многие посвятили его образованию» (*Benko D.* Op. cit. S. 58.) — Шест находился в русском плену с 1915 г. После революции работал в театре в Рязани, позднее познакомился в Москве с известным русским режиссером и теоретиком театра К.С. Станиславским. На родину вернулся в 1919 г.

⁵⁸ *Grivec F.* Ruski problem // Čas. Ljubljana, 1915. Št. 3. S. 121–137, 126–131.

альность рассуждений Гривеца, ведь русский характер «и на полях сражений представляет интерес и воодушевляет»⁵⁹.

Гривец считал, что в глубине русской сущности всегда скрываются «добродушная мягкость, гибкая мечтательность, демократичное человеколюбие и анархичное свободолюбие старорусской славянской природы», ко всему этому в ходе истории присоединились различные иноземные влияния, которые русские в себе еще не структурировали. Вместе с историческими и культурными противоречиями, им приходилось также сталкиваться с удивительными противоречиями в природе и экономике⁶⁰. «Русский должен был постоянно бороться с неприветливой природой без надежды, что сумеет ее полностью подчинить», резюмировал «Slovenec». В борьбе с ней он наталкивался на большие проблемы. Без трудностей он переносит сильный мороз и сильную жару. Неожиданные изменения, ужасающие катастрофы и несчастья его не выбивают из равновесия. Для русского характера естественны смесь силы и слабости, страстности и апатии, непробиваемой консервативности и легкой гибкости, сонливости и деятельности, твердости и добродушия, безучастности и доброты. Русский знает, что такое терпение и боль, поэтому он отличается сочувствием, милосердием, благотворительностью и идеалистической жертвенностью. Он одновременно переносил тиранию природы и тиранию абсолютистского государства, и он умеет жертвовать. Поэтому русские, которые миролюбивы и не воинственны, растят выносливых солдат, любовь к огромной родине толкает их к экспансионистской политике. «В последнее десятилетие русский народ получил возможность развить творческие способности и умения своей “широкой натуры”», — заключал «Slovenec». «Поэтому Россия неожиданно окрепла. Возможно, также окрепнет и консолидируется характер русских, и противоречия перерастут в прекрасное согласие»⁶¹.

Отрывок из рассуждений Гривеца показал понимание и симпатию к русскому человеку и смягчил преобладающий не-

⁵⁹ Slovenec. 1915.01.05.

⁶⁰ Ibid. 1915.01.05.

⁶¹ Ibid.

готивный образ противников Австро-Венгрии, который был создан газетами «Slovenec» и «Slovenski narod» в то время, когда словенцы сражались на славянских землях⁶². В значительной степени его сформировали на основе отдельных писем словенских солдат, которые регулярно публиковались. Письма в их редакции передавали разные адресаты, или же адресатами были сами газеты. «Slovenski narod» своих респондентов, вероятно, нашел и благодаря объявлению, опубликованному в конце сентября 1914 г. В нем отмечалось, что «современная война имеет для истории нашего народа и наших земель большое значение, и кто будет когда-нибудь писать хронику этого периода, тому достанется много хорошо сохранившихся воспоминаний нашего времени. Было бы хорошо и очень полезно, если бы люди записывали самые важные вещи, которые происходят сейчас, что они пережили на полях сражений, и было бы прекрасно, если бы отдельные люди писали, что они видели в своих общинах и что они пережили. Им нужно записывать все подобные вещи: личные воспоминания, представляющие интерес для этого края, рассказы солдат, пришедших с войны. Таким образом, соберется много материала, который будущим историкам сослужит добрую службу и даст им возможность создать интересную и правдивую картину событий этого великого времени»⁶³.

«Истинная» картина сражений словенцев по обе стороны фронта в 1914–1916 гг., представленная публикациями двух ведущих словенских политических газет, такова: для большинства словенцев и словенских солдат, которые были полны австрийского патриотизма, славянские противники монархии являлись и их противниками. Формированию такой позиции способствовали и ведущие газеты «Slovenec» и «Slovenski narod», которые не допускали мысли о возможности солидарности словенцев с другими славянами. В вопросе славянства решающее значение для них имели «фронтные» границы между Авст-

⁶² В качестве проявления симпатии к русским мы можем расценить публикацию рассказа А.П. Чехова «Крестьяне» в газете «Словенски народ» в сентябре 1916 г. Slovenski narod. 1916.11–16.09; 18.09; 20–22.09; 25–27.09.

⁶³ Ibid. 28.09.1914.

ро-Венгрией и Германией и воюющими с ними славянскими государствами. За исключением отдельных статей, в которых о славянских противниках не говорилось ничего плохого, тема размышлений о славянской идентичности на страницах двух газет была закрыта. Существовали только австрийские критерии по отношению к славянству. «Slovenec» и «Slovenski narod» поддерживали идею, что словенцы, как и другие габсбургские славяне — австрийцы, а те, кто не австрийцы — они из другого мира. Такое отношение породила война, которая принадлежность славянству подчинила интересам государств, участвующих в ней.

Перевод со словенского Н.С. Пилько